

ВЛАДИМИР ЧИКОВ

ШЕФ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Павел Михайлович Фитин родился в Тобольской губернии в крестьянской семье. Жизнь его (1907–1971) была недолгой, а чекистская слава хоть и громкой, но короткой. Нынешнему читателю трудно поверить, что было такое время, когда имя Фитина ставилось рядом с легендарными фамилиями разведчиков Конона Молодого, Рудольфа Абеля, Рихарда Зорге, Дмитрия Быстролётова и Павла Судоплатова. О трудной и драматической судьбе этого талантливого человека стало известно только во второй половине прошлого века.

Дарование и природные способности молодого Фитина проявились ещё в годы учёбы в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева и в период работы редактором в издательстве “Сельхозгиз”. Здесь его карьера росла, как на дрожжах: сначала был заведующим редакцией, а через год стал заместителем главного редактора.

Всё складывалось у него как нельзя лучше и всё удачно устраивалось в его жизни. Но не тут-то было: не успел он поработать и пару лет в должности замглавреда издательства, как его вызвали в райком партии и после короткого собеседования сообщили, что он по партийному набору в числе ещё нескольких человек с высшим образованием направляется на ускоренные курсы разведки в Школу особого назначения НКВД.

Не у всякого сердце может позволить в тридцать лет пойти новым путём, особенно когда человек нашёл уже своё призвание, и жизнь у него начала складываться благополучно. Не всякий и годится для работы в разведке, в которой в те годы (1937–1938) за ошибки часто расплачивались жизнью. Знал всё это и тридцатилетний Фитин, но махнул рукой: “Не я первый, не я последний. И никто не сможет меня заставить делать то, что я буду считать неправильным...”.

После окончания ускоренных курсов спецшколы НКВД Фитин всего месяц стажировался в центральном аппарате наркомата госбезопасности, потом ещё через месяц он был назначен оперуполномоченным, а через два месяца – начальником отделения по разработке троцкистов и правых за кордоном. С этого назначения и началась, по словам самого Павла Михайловича, его карьера в разведке: у него появились хорошие возможности для продвижения по службе. Прежде всего, это широкое поле деятельности и гораздо больший объём оперативной работы, которая только радовала и вдохновляла его. Свободное владение всеми секретами разведывательного и контрразведывательного ремесла обогащало его и побуждало творчески мыслить, что способствовало повышению результативности работы всего подразделения, которое он возглавлял. И это не осталось незамеченным со стороны руководства наркомата: не прошло и трёх месяцев после предыдущего назначения, как в но-

ябре 1938 года по приказу наркома Фитин в возрасте тридцати одного года вступил в должность заместителя начальника внешней разведки ГУГБ (Главное управление государственной безопасности) НКВД СССР.

Но и это ещё не всё: ровно через полгода, 13 мая 1939 года Фитин по решению Политбюро ЦК ВКП(б) становится самым молодым в истории советской и российской разведки руководителем: в ту пору ему было всего 32 года. Для многих рядовых сотрудников того времени это было невероятным, для других, более искушенных, ничего необычного в этом не было. Были и более разительные метаморфозы из-за острой нехватки руководящих кадров. Кровавые “чистки”, сопровождавшиеся при “ежовщине” волной массовых необоснованных репрессий в самих органах госбезопасности, вывели из строя более 20 тысяч чекистов.

Но вернёмся в 1939 год, который стал годом начала подлинного восхождения молодого Фитина к славе. В том году фашистская Германия полностью оккупировала Чехословакию и, растоптав Мюнхенское соглашение, захватила Польшу. Эти факты свидетельствовали уже о начале Второй мировой войны. Учитывая сложившееся в Европе положение, новый начальник внешней разведки начал свою деятельность с главного – с восстановления за границей боеспособности нашей резидентуры, от которой никакой информации на этот счёт почти не поступило. Правительству же тогда было необходимо знать реальные замыслы Гитлера.

Несмотря на то, что наследство Фитину досталось очень тяжёлое, он проявил себя умелым организатором, способным решать поставленные задачи любой сложности. Павел Михайлович предпринял энергичные усилия по восстановлению европейской агентурной сети. Со второй половины 1939 года за кордон для связи с законсервированными агентами были срочно направлены самые опытные разведчики: Василий Зарубин, Александр Коротков, Михаил Аллахвердов, Борис Рыбкин, Дмитрий Федичкин и ещё несколько человек, в том числе Зоя Воскресенская, Елизавета Зарубина и Елена Модржинская. Это сразу же сказалось на активизации работы сорока воссозданных зарубежных резидентур: в московский разведцентр потёк ручеек важной секретной информации из Англии, Германии, Италии и США. Через “Кембриджскую пятёрку”, в частности, были получены ценные сведения о том, что британское правительство не намерено заключать серьёзный пакт о взаимной обороне с Советским Союзом против фашистской Германии. Информация об этом, доложенная П. М. Фитиным Сталину, побудила его пойти на заключение договора о ненападении с Германией (так называемый “пакт Риббентропа-Молотова”).

Зная о том, что двуличная Англия стремится направить Гитлера на СССР и что теперь будет крайне необходима информация о её политике, Фитин ставит вопрос перед резидентурой о более рациональном использовании агентов знаменитой “Кембриджской пятёрки” Кима Филби и Антони Бланта, который к тому времени получил назначение в Службу военной разведки, а также Гая Берджеса, имевшего доступ к докладам МИДа Великобритании. И вдруг в феврале 1940 года, вопреки стараниям Фитина улучшить работу загранточек, нарком НКВД Лаврентий Берия, сменивший Н. И. Ежова, дал указание ликвидировать лондонскую резидентуру как “не вызывающую политического доверия”. Официальным же мотивом, послужившим поводом к закрытию загранточки, была названа “дезинформация”, якобы поставляемая её агентурой.

На самом деле причина такого решения крылась в другом: Берия ещё до назначения на должность наркома видел в Фитине, – успешном и необычайно притягательном молодом человеке, – своего соперника, и потому у него хватило духа приостановить его прыть. Фитин же, понимая очевидную абсурдность решения Берия, в августе 1940 года направил в Лондон в качестве резидента Анатолия Горского и двух его помощников – Бориса Крешина и Владимира Барковского, – а в конце того же года – ещё четырёх оперативных работников. Вот тогда внешняя разведка, руководимая Павлом Фитиным, и начала работать в полную силу.

Из зарубежных резидентур шли ежемесячно в Москву десятки сообщений, в них содержались сведения о переброске первых германских дивизий на советскую границу и о военно-хозяйственных приготовлениях к эксплуатации русских территорий, которые будут захвачены вермахтом. Нелегко приходилось тогда начальнику разведки Павлу Фитину: обжигающее дыхание войны становилось всё ощутимее.

Близость войны заставила Кремль провести очередную реорганизацию органов: в феврале 1941 года был создан Наркомат госбезопасности СССР. Его возглавил В. Н. Меркулов. 12 апреля Ким Филби сообщил из Лондона, что у советских границ немцы развернули уже 127 дивизий (на самом деле их было на пятьдесят больше, как стало известно после войны). От разных источников информации приходили разноречивые сведения о начале гитлеровского нападения, назывались восемь дат фашистского нашествия. В те дни Фитин сутками находился в своём кабинете на Лубянке. В представлении П. М. Фитина на должность начальника 1-го управления (внешняя разведка) нового Наркомата отмечалось:

“Тов. Фитин П. М., находясь в должности начальника разведки с предвоенных лет, обеспечивал добросовестное выполнение всех задач, которые ставились руководством страны. В трудных условиях нагнетаемой обстановки перед началом войны он проявил себя принципиальным руководителем, умело и оперативно решающим организационные вопросы, связанные с восстановлением разведывательной деятельности заграничных аппаратов.

Профессиональный подход к делу, требовательность к себе и подчинённым, заботливость о них, обстоятельность и коммуникабельность, большая ответственность и твёрдость в принятии непростых решений – именно в этих качествах тов. Фитина таится его талант, который давал ему возможность успешно продвигаться по службе и добиваться значительных успехов в многосложной оперативной обстановке.

В данное время тов. Фитин П. М. вполне соответствует занимаемой им должности...”

* * *

16 июня 1941 года из берлинской резидентуры поступило на имя Фитина срочное сообщение о девятой дате нанесения удара фашистской Германией. В шифровке говорилось: “Все военные приготовления Гитлера по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и начала войны можно ожидать в любое время”. Эту шифровку Фитин доложил наркомку Меркулову, тот хотел об этом поставить в известность Берию, но вспомнив, что Лаврентий Павлович грозился “стереть в лагерную пыль” всякого, кто заговорит о неотвратимости войны, передумал и позвонил Сталину с просьбой принять его вместе с начальником разведки. Вождь назначил им встречу на следующий день.

Перед тем как войти в кабинет Сталина, нарком, знавший о том, что и Иосиф Виссарионович не хотел войны и не желал ничего слышать о приготовлениях Германии к нападению на Советский Союз, предупредил Фитина:

– Докладывать будешь сам. Сталин, я уже убедился, будет сомневаться в достоверности разведывательной информации и в искренности её источников, которых я не знаю.

– Как скажете, – не колеблясь, согласился Фитин.

В назначенное вождём время – час дня – помощник “Большого хозяина” (так называли тайком в разведке И. В. Сталина) Поскрёбышев пригласил наркома Меркулова и его подчинённого в кабинет Сталина. Вождь поздоровался с ними кивком головы и, не предложив им сесть, стал слушать доклад начальника разведки, расхаживая по кабинету и попыхивая трубкой. Иногда он прерывал Фитина, задавая вопросы, потом остановился и спросил:

– Выходит, Германия всё же собирается напасть на Советский Союз? А что за человек, сообщивший эти сведения?

Меркулов молчал. Тогда Фитин дал подробную справку на агента из “Красной капеллы” – героя-антифашиста под кличкой “Старшина” – и подчеркнул, что оснований сомневаться в нём у разведки нет.

Наступила пауза. Сталин, постоянно опасавшийся провокаций и считавший, что войну между Германией и СССР может спровоцировать Англия, подойдя к столу, сказал:

– Дезинформация это очередная! Можете быть свободны.

После этой встречи все дни до начала войны начальника внешней разведки Павла Фитина неотвязно мучал один вопрос: неужели сообщение “Старшины” дезинформация? С этой тяжелой мыслью он приехал домой на рассвете

22 июня после работы и прилёг, однако отдохнуть ему не удалось: резко зазвонил телефон. Было пять часов утра. В трубке раздался голос дежурно-го по НКГБ:

– Товарищ генерал, вас срочно вызывает нарком.

Прибывшим по вызову Всеволод Меркулов трагическим тоном сообщил:

– Подтвердилась информация нашей и военной разведки: началась война. На всём протяжении западной границы – от Балтийского до Чёрного моря – идут бои. Учитывая сложившуюся обстановку, нам надо продумать план действий всех подразделений органов госбезопасности...

Через два часа во все резидентуры внешней разведки ушли телеграммы, подписанные Фитиным, в которых уточнялись задачи в связи с начавшейся войной. Главная для всех задача – выявление реальных военно-политических планов нацистской Германии и её союзников в отношении СССР: какие цели преследует Гитлер, где будет направление главного удара и какими силами. Одновременно с этим остро встал вопрос о том, вступит ли в войну на стороне Германии Япония.

В связи с быстрым продвижением немецкой армии вглубь территории нашей страны ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года принял специальное постановление “Об организации борьбы в тылу германских войск” и – в который уже раз! – решение о реорганизации органов госбезопасности. НКГБ и НКВД были объединены в единый Комиссариат внутренних дел под руководством Л. П. Берии. Начальником внешней разведки остался генерал-лейтенант П. М. Фитин. По его рекомендации главой вновь созданного тогда Четвёртого разведывательно-диверсионного управления НКВД был назначен П. А. Судоплатов.

В очень сложном положении оказалась берлинская резидентура. Участники “Красной капеллы” – свыше двухсот человек – были арестованы, большинство из них были казнены. С утерей разведвозможностей в Германии генерал Фитин делал ставку на активизацию работы заграничных в таких странах, как Англия, США, Китай, Япония, Иран и Турция. Наиболее весомых результатов советская разведка под руководством Фитина добилась в Великобритании, где успешно действовала знаменитая “Кембриджская пятёрка”... Благодаря им внешняя разведка и Государственный Комитет Обороны СССР в течение всего периода имели доступ к секретным документам кабинета министров Великобритании и её военного ведомства, к переписке премьер-министра Уинстона Черчилля с президентом США Франклином Рузвельтом и другими главами государств и правительств. Лондонская резидентура читала постоянно переписку британского министра иностранных дел Энтони Идена с послами Англии за рубежом.

В самый тяжёлый начальный период войны лондонская резидентура стала основным источником важной военно-политической информации, значение которой было трудно переоценить. Понимая это и зная о запредельной нагрузке резидента и его сотрудников, П. М. Фитин направляет в Англию в сентябре 1941 года известного советского разведчика И. А. Чичаева и ещё двух оперработников. И словно в ответ на эту чуткую, насущную заботу шефа, в конце того же месяца в Центр из Лондона поступает сногшибательный документ – доклад “Уранового комитета” премьер-министру Черчиллю, в котором говорилось о начале работ по созданию в Великобритании и США атомной бомбы. Сообщалось также, что научные исследования англичан ведутся торопливо, потому что их подгоняет страх перед гитлеровской Германией, которая может первой в мире изготовить суперсекретный боеприпас, обладающий колоссальной разрушительной силой, и с его помощью одержать победу в войне.

Когда Фитин доложил Берии о работах по созданию ядерного оружия на базе химического элемента “уран-235”, то Лаврентий Павлович, обрушив на начальника разведки поток ругани за легковесный подход к оценке полученной информации, заявил, что она явно надуманная и направлена на отвлечение сил и средств Советского Союза от решения главных задач в начавшейся войне. Однако доклад “Уранового комитета” попросил оставить ему и на другой день для перестраховки доложил этот архиважный документ самому Сталину. Выслушав Берию, вождь раздражённо бросил:

– Блеф это всё! Я не верю, что с помощью какого-то одного химического элемента, которого никто и в глаза не видел, можно выиграть войну... А не кажется ли тебе, Лаврентий, всё это чистой дезинформацией?... По-моему, нас хотят умышленно отвлечь от разработок новых видов вооружения, разбалансировать нашу экономику и перевести её с военных рельсов на другое направление...

Сталин долго молчал, раскуривая трубку, потом вспомнил вдруг, как однажды, в начале войны, к нему поступило письмо, в котором высказывалась мысль о возможности создания атомной бомбы, обладающей чрезвычайной мощностью. Но Сталин тогда даже не мог осознать и предвидеть значение этого открытия для судеб мира, поскольку само выражение “ядерное деление” мало что говорило ему. И всё же это письмо, убеждённости его автора, что “надо, не теряя времени, делать урановую бомбу”, заставили вождя задуматься. Однако, продолжая считать, что в условиях, когда Советская Армия терпит поражение за поражением, главной задачей должно являться обеспечение фронта снарядами, самолётами и танками, Сталин свёл разговор о разведанных из Англии к лаконичному замечанию:

– Я хотел бы знать, Лаврентий, допускают ли законы природы взрыв такой силы, который приравнялся бы к нескольким тысячам тонн тротила?... Кстати, передайте материалы разведки на экспертизу нашим учёным... И не занимайтесь пока этой ерундой...

Удивлённый сообщением наркома госбезопасности о том, что и Сталин посчитал агентурные данные о введущихся в Англии работах по созданию атомной бомбы ерундой, генерал Фитин как человек, беспокоящийся за своё дело, всегда основательно подходивший к своим обязанностям, решил доказать и наркому, и вождю необходимость незамедлительного начала работ по созданию в СССР аналогичного сверхмощного оружия. Продолжая жить по собственным законам чести и совести, Павел Михайлович, проигнорировав колкие замечания наркома и вождя, через своих сотрудников в заграничных аппаратах убедился, что разработки атомного оружия полным ходом ведутся уже в Англии, Германии и США. В резидентуры этих стран были срочно посланы подписанные им шифровки, в которых говорилось: “Просим выявить научные центры, где могут вестись секретные исследования по урану в военных целях, и обеспечить Центр информацией оттуда о практических работах...”

Атомная эпопея 1941–1945 годов стала новым поворотным пунктом для начальника разведки. Пока Фитин выяснял, как обстоят дела за границей с идеей создания супероружия, косный и чрезмерно подозрительный Берия встретился с самым авторитетным в то время учёным страны, академиком А. Ф. Иоффе и, узнав от него, что в ближайшее десятилетие сделать урановую бомбу не представляется возможным, поспешил на доклад к Большому хозяину. И, как всегда, начал с похвалы:

– Вы были правы, товарищ Сталин, когда говорили о сомнительных данных нашей разведки, поступивших из Англии. Наши учёные считают, что применение урана в военных целях – это пока не больше, чем фантастическая идея. И вообще их вывод таков: атомное оружие – это гипотетическое оружие, оно может быть, а может и не быть. Судя по всему, доклад “Уранового комитета” Черчиллю подброшен нам, чтобы втянуть страну в непомерные затраты. Мы не должны пойти на это! – сердито сверкнув стекляшками пенсне, заключил Берия.

Сталин долго молчал, потом медленно заговорил:

– Да, Лаврентий, нам сейчас рискованно разбазаривать научные кадры и финансовые средства. Пусть пока учёные сидят в шарашках (НИИ и ОКБ, созданные в системе НКВД, в которых содержались и работали репрессированные учёные и инженеры. – **Прим. авт.**) и создают там новые образцы новейшей военной техники, так необходимой для фронта. Но ты всё же отслеживай исследования по урану наших союзников.

Привыкшему ловко лавировать, подстраиваясь под настроения Большого хозяина, и докладывать ему только то, что он хотел услышать, Берия, как всегда, как ответил: “Хорошо, товарищ Сталин”.

А тем временем смолodu бывший твёрдым, волевым, способным терпеливо и настойчиво преодолевать препятствия на пути к достижению цели, генерал Фитин попросил недавно назначенного им начальника отделения по научно-технической разведке Леонида Романовича Квасникова тщательно изучить разведанные по урановой проблеме, поступавшие из заграничечек в ответ на запрос Центра об атомной бомбе. Квасников, дотошно вникнув во все материалы, узнал, что английские физики определили даже критическую массу урана-235 и сферическую форму заряда, они же высказали предположение о том, что первая бомба может быть изготовлена через два-три года.

Вложив в одну папку свою обобщённую справку и как приложение к ней — письмо Сталину с фронта капитана Георгия Флёрова*, который за год до начала войны совместно с К. А. Петржаком открыл спонтанное деление тяжёлых ядер, — а также обнаруженные в сумке убитого под Таганрогом немецкого офицера инженерных войск записи формул по урану и тяжёлой воде, Квасников передал всё это Фитину в присутствии его заместителя Гайка Овакимяна.

Ознакомившись с содержащимися в папке материалами, Павел Михайлович удовлетворённо кивнул и, глядя на своего зама, сказал:

— Давайте вместе определимся, как нам лучше назвать операцию по проникновению в зарубежные атомные центры и само дело оперативной разработки, в которой будут накапливаться сведения по ядерному оружию.

— Я предлагаю, — растягивая задумчиво это слово, начал Овакимян, — назвать операцию и саму разработку одним ёмким словом — “Энормоз”.

— А что это означает? — поинтересовался Фитин.

— В переводе на русский язык это что-то такое громадное, страшное. Или даже чудовищное, несущее всему живому на Земле смерть.

— Хорошо, пусть будет “Энормоз”, — махнул рукой начальник разведки. И, обращаясь к Квасникову, добавил: — Готовьте на основании своей справки и приложенных к ней материалов записку в инстанцию. А через два дня жду от вас постановления о заведении ДОР “Энормоз” и план мероприятий по нему. — Бросив взгляд на часы, — было уже около двух ночи, — он быстро встал и сказал: — Всё, товарищи, вы свободны. Возьмите дежурную машину и поезжайте домой. А я должен идти на доклад к наркому.

Прежде чем войти в кабинет Берии, Овакимян вполголоса сказал Фитину:

— Главное, Павел Михайлович, надо нам как-то убедить наркома, чтобы он с должным пониманием отнёсся к материалам по урановой проблеме. Поэтому проект записки на самый верх надо подписывать не одному наркому, но и кому-то из наших именитых академиков. Скажем, Капице или Иоффе. В США, например, прежде чем приступить к началу работ по созданию атомной бомбы, было оказано давление на президента Рузвельта через мировое светило науки Эйнштейна. Почему бы и нам не подключить кого-то из плеяды крупных советских учёных?..

— Но наш “железный” нарком при подписании каких-либо секретных документов не терпит рядом со своей фамилией ничьей другой, — улыбнулся Фитин. — Вот если он будет упрямитесь, тогда мы подготовим другой вариант записки. За моей подписью, и я сам доложу товарищу Сталину... .

* * *

Предчувствие и на этот раз не обмануло Фитина. Прочитав обобщённую справку, подписанную начальником отделения по НТР Л. Р. Квасниковым, Берия вскинул прищуренный взгляд на Павла Михайловича и с нескрываемой злостью обронил:

— Почему вы позволяете этому бумагомараке подписывать такие серьёзные документы? Был бы он вашим замом, тогда другое дело! И вообще, ничего нового в его справке нет. Пока это всё теоретизирование и предположения о возможном использовании урана в качестве взрывчатого вещества. Поэтому докладывать эту справку товарищу Сталину я не буду. Можете доработать её и доложить самостоятельно. О результатах встречи с вождём сообщите мне устно. А Квасникову, этому умнику-правдолюбцу, передайте, чтобы он не подсовывал вам “сырые” документы! И нужно как можно скорее активизировать работу по делу “Энормоз”! И еще: надо срочно организовать в США подрезидентуру по научно-технической разведке. Пока же оттуда очень мало поступает к нам информации по этому направлению развед деятельности... .

Фитину было известно, что Берия с неприязнью относится к Квасникову, и потому он стремился любой ценой оградить своего подчинённого от возможной опасности:

* Флёров Георгий Николаевич после войны стал академиком, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии и трижды лауреатом Государственных премий СССР.

– Вы напрасно, Лаврентий Павлович, сомневаетесь в подготовленной Леонидом Романовичем аналитической справке и в нём самом. Заверяю вас, что он – профессионал в своём деле, он, как никто другой из наших сотрудников, близок к отечественной науке. Мы с трудом вырвали его в разведку из аспирантуры Института химического машиностроения, где он зарекомендовал себя перспективным научным сотрудником и мог бы стать большим учёным. У нас в управлении он отслеживает все научные исследования и открытия за рубежом, а вы вот...

Начальник разведки сделал паузу, подбирая слова, чтобы потактивнее выразиться, хотя раньше он перед всеми всегда открыто высказывал своё мнение, не считаясь с заслугами и чинами других начальников. Вероятно, эта решительность и принципиальность и сыграли свою роль при назначении его в 32 года на высокую и ответственную должность в органах госбезопасности.

– Так договаривайте, что – я?.. – поторопил Фитина Берия, который не переваривал его спокойную, рассудительную манеру вести беседу.

Взгляд наркома потяжелел, стал пронзительным и испытующим. Павел Михайлович давно знал, что означает такой взгляд: или угрозу, или очередную грубость. История взаимоотношений Фитина с Берией представляет особый интерес – их отношения складывались, прямо скажем, далеко не гладко. В конце 1939 года по указанию Берии, сменившего на посту наркома Н. И. Ежова, Центр отозвал в Москву для проверки лояльности почти всех резидентов внешней разведки, уцелевших в кровавой вакханалии «ежовских» расправ. В числе других предписывалось тогда выехать в Москву, якобы для отчета о работе и получения дальнейших указаний, и успешному резиденту – нелегалу «Юнгу»*, Прежде чем выехать из Штатов, он обратился к Берии с просьбой разрешить ему вступить в брак с американкой Хелен Лоури** и вместе с ней прибыть в СССР. Это вызвало негодование всесильного наркома. Пригласив к себе Фитина, он набросился на него с обвинениями в том, что «Юнга», возможно, завербовали, и теперь он намерен приехать в Москву со своей пассией – «шпионкой».

– Прошу «разобраться» с ними и доложить мне завтра! – выпалил Берия.

– Я готов доложить прямо сейчас, – парировал Фитин.

– Докладывайте, а потом подготовите мне справку о них в письменном виде.

– Нелегал Ахмеров – порядочный и добросовестный человек, профессионал высшего класса. Поступавшая от него информация получала всегда высокую оценку. Хелен Лоури привлечена им в качестве содержательницы конспиративной квартиры, она же добывала для нас ценные сведения из высших кругов американской администрации, используя для этого личные связи в аппарате Белого дома. Сблизила их общая успешная работа и связанный с ней постоянный риск. «Юнг» не был женат, в США он находился один и обладал при этом привлекательной внешностью. Поэтому стоит ли говорить, что Хелен ответила ему взаимностью. К стати, она – племянница Эрла Браудера, которого, как вы знаете, высоко ценит сам товарищ Сталин, – как бы между прочим добавил Павел Михайлович, который вёл себя в разговоре с наркомом в высшей степени благородно и честно.

Усилия Фитина по спасению «Юнга» оказались не напрасными: высказанный им аргумент, что Сталин высоко ценит Браудера, сыграл решающую роль. Опасаясь вызвать гнев вождя, Берия дал «добро» на заключение брака и на въезд молодожёнов в Советский Союз.

Человеколюбие, стремление помочь своим подчинённым в сложных условиях того времени, когда жизни разведчиков угрожала опасность, проявлялось не только в заступничестве за них, но и в защите их оперативных источников. Особенно тех, в ком Фитин был уверен и кого хорошо знал по результатам работы. Перед войной, в конце мая 1941 года из Франции на родину вернулся ценный советский разведчик, бывший царский генерал Павел Дьяконов. Он принимал непосредственное участие в проведении острой операции по захвату руководителя РОВС*** генерала Кутепова и успешно выполнял все задания Центра по разложению этой белогвардейской организации, занимавшейся

* Ахмеров Исхак Абдулович, он же Майкл Грин и Майкл Адамец. Умер в 1975 году.

** Она являлась племянницей генерального секретаря компартии США Эрла Браудера.

*** Русский общевоинский союз.

подготовкой и заброской в СССР террористических групп. От него же поступала важная информация о “пятой колонне” фашистов во Франции и о прогерманском крыле русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. И вдруг после нападения на Советский Союз гитлеровских войск Дьяконова и вернувшуюся вместе с ним дочь Марию арестовывают “по подозрению в поддержке связи с иноразведками и шпионаже против СССР”. По окончании первого же допроса Дьяконов написал на имя Фитина докладную записку: “В моей голове не укладывается, как можно подозревать меня в преступной деятельности против Родины, если за 17 лет заграничной работы мне довелось выполнять много ответственных заданий и осуществлять по заданию ваших товарищей много сложных оперативных комбинаций...”

Недолго думая и не поручая подготовку рапорта своим подчинённым, Фитин собственноручно написал его и направил в следственные органы НКГБ. В рапорте говорилось: “Дьяконов Павел Павлович и его дочь Мария известны нашему управлению. Считаю необходимым срочно их освободить...” Через два с половиной месяца Дьяконовы вышли на свободу. Примерно в то же время возникли серьёзные неприятности у заместителя начальника англо-американского отдела Константина Кукина: из Лондона на него поступил донос от “некоего русского эмигранта”, обвинявшего его в принадлежности к контрреволюционной организации при акционерном обществе “Аркос”*. Помимо Кукина, в доносе фигурировали имена ещё нескольких человек. Все они были арестованы, но на допросах никто из них не упоминал его имени в принадлежности к такой организации. Не боясь подставить себя, Павел Михайлович, беря на себя ответственность, решил вывести агента из-под удара Берии и опять собственноручно написал рапорт на имя наркома:

“Прошу вашей санкции на командирование в Англию на должность советника посольства СССР в Великобритании заместителя начальника отдела старшего лейтенанта Кукина К. М.

Тов. Кукин накопил к этому времени достаточный опыт руководящей работы в центральном аппарате и разведывательной деятельности в США и Китае...”

Докладывая этот рапорт Берии, Фитин устно убеждал его в том, что уверен в надёжности этого человека, что Кукин отличался всегда умением правильно подбирать за рубежом кандидатов на вербовку, строить с ними хорошие деловые отношения и обеспечивать с их помощью успех при решении самых сложных задач.

— Это во-первых, — продолжал Павел Михайлович, — а во-вторых, из Лондона пришла вчера шифровка, в которой резидент Горский просит командировать к нему дополнительно четырёх оперработников. Он обосновывает пополнение кадров заграничного аппарата тем, что на связи у каждого его сотрудника находится по двенадцати и более агентов. А это уже перебор, превышение предельной нагрузки, что может отражаться на качестве и риске их работы...

Прекрасно понимая позицию Фитина и его предупреждение о риске работающих в Англии разведчиков — легалов и нелегалов, — Берия согласился с его мнением, и вскоре все наветы недоброжелателей с Кукина были сняты. Однако санкцию на командирование его в Англию Берия не дал и после этого ещё больше невзлюбил строптивого начальника разведки. А Кукин** продолжал работать в центральном аппарате разведки в должности замначальника отдела.

* * *

А теперь вернёмся к проблеме возможного использования урана в качестве взрывчатого вещества. Не веря в эти возможности, Берия поручил Фитину докладывать об уране Сталину. Как настоящий дипломат, Павел стал упорно доказывать необходимость начала работ по атомному проекту. Настойчивость Фитина неожиданно нашла поддержку у Сталина и, не отпуская начальника разведки, он вызвал Берию.

* Акционерное торговое общество, представлявшее советские внешнеторговые организации за рубежом.

** В апреле 1943 года, когда наркомом НКГБ стал вновь Меркулов В. Н., К. М. Кукин был назначен резидентом в Лондон. Через четыре года он стал главным резидентом и одновременно Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Великобритании.

Увидев при входе в кабинет вождя начальника разведки, Берия сразу догадался, по какому поводу пригласил его Сталин.

– Проходи, садись, Лаврентий. В ногах правды нет. Как нет ее и в твоей лысой голове.

Берия внутренне содрогнулся: он понял, что Сталин им недоволен. Подойдя к столу, нарком госбезопасности медленно опустился в кресло.

– Так вот, товарищ Берия, – Сталин перевёл взгляд на Фитина, – на этот раз мы доверимся мнению товарища Фитина. Напрасно ты раньше убеждал меня, что разведке не всегда можно верить. Материалы разведки и второе письмо Флёрва убеждают меня в том, что мы должны теперь, в первую очередь, заниматься атомными делами. Поручаю тебе, Лаврентий, подготовить специальное заседание Государственного комитета обороны по вопросу создания атомной бомбы. Пригласи на это заседание академиков Иоффе, Капицу, Вернадского, Семёнова, Хлопина и некоторых известных молодых физиков...

Как высокую награду воспринял Павел Михайлович решение вождя начать практическую работу по атомному делу “Энормоз”.

Затем Сталин не спеша подошёл к Фитину и, пожимая ему руку, громче обычного сказал:

– Вот как получается, товарищ Фитин. Выходит дело, вы были правы, а мы нет.

Это признание вождя партии и страны сняло некоторое напряжение, существовавшее между наркомом Берией и начальником разведки Фитиным. Можно сказать, что на той встрече со Сталиным Павлу Михайловичу повезло: если бы не второе письмо Флёрва с фронта, – в правдоподобности содержащейся в нём информации оснований сомневаться не было, – то неизвестно, как могла бы сложиться дальнейшая судьба начальника разведки. Как писал он впоследствии в своих воспоминаниях: “Могло ведь случиться и так, что Сталину что-то не понравилось бы в моём докладе, или в чём-то усмотрел бы он промах с моей стороны, и тогда бы я оказался в весьма незавидном положении...” Но этого не произошло.

Вдохновлённый поддержкой вождя, Фитин показал все свои организаторские способности. Разведка, руководимая им, заработала ещё более активно и продолжала успешно справляться со стоявшими перед ней задачами. Помимо атомной проблемы, она с тем же успехом решала массу других важных задач. Чего стоили ценнейшие сообщения агентурной разведки о том, что Япония в первые годы войны не собирается нападать на СССР, что позволило Сталину в период битвы за Москву снять с Дальнего Востока и перебросить на Западный фронт сибирские дивизии, которые обеспечили исход сражения за советскую столицу. Или, скажем, сообщение о том, что летом 1943-го фашистские войска намерены предпринять наступление в районе Курска. Фитин докладывал об этом лично Сталину. Благодаря данным разведки, советским командованием были предприняты все необходимые меры, которые сыграли решающую роль в разгроме гитлеровских войск на Курской дуге и которые способствовали переходу стратегической инициативы в руки Советской Армии.

Руководимая Павлом Фитиным внешняя разведка внимательно следила за сепаратными переговорами союзников по антигитлеровской коалиции. Тогда же совместными усилиями разведслужб СССР и Великобритании во время проведения Тегеранской конференции “Большой тройки” – Сталина, Рузвельта и Черчилля – было предотвращено не только покушение на глав государств, но и была разгромлена германская разведывательная сеть в Иране. Точно также была тогда ликвидирована в Афганистане агентурная сеть разведок стран “оси” Рим–Берлин–Токио. Делать подобное в годы военного лихолетья было непросто: для этого требовалось большое умение Фитина управлять огромным коллективом легальной и нелегальной разведки, сотрудники которой самоотверженно служили Родине во многих странах мира.

За качественное и оперативное решение разведывательных задач Павел Михайлович в ноябре 1944 года был награждён орденом Боевого Красного Знамени. В представлении на орден говорилось:

“Тов. Фитин П. М. возглавляет внешнюю разведку страны с 1939 года. Все пять лет он самостоятельно, оперативно и качественно решал многие вопросы разведывательной деятельности. С января по июнь 1941 года лично направил товарищу Сталину свыше ста разведдонесений о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

В годы войны обеспечивал руководство страны ценной информацией о стратегических замыслах германского командования. Важный вклад принадежит тов. Фитину в овладении Советским Союзом сокровеннейшими американскими секретами по созданию атомного оружия и доведении информации о них до советских учёных, что способствовало впоследствии ликвидации в кратчайший срок ядерной монополии США.

Критерием руководящей и служебной деятельности тов. Фитина является результативность работы и творческое отношение к труду...”

Ещё два ордена – Боевого Красного Знамени и Красной Звезды – Павел Михайлович получил за неоценимый вклад внешней разведки в Победу над фашистской Германией, за добывание в послевоенный период ценных документальных материалов о планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции и за постоянное информирование Кремля о всех нюансах политики Запада в отношении нашей страны.

Нельзя, однако, не отметить, что все высокие награды Фитина, в том числе и ряда зарубежных государств, были получены тогда, когда органы госбезопасности СССР возглавлял не Берия, а В. Н. Меркулов и В. С. Абакумов. Как уже говорилось, Берия с весны 1941 года невзлюбил молодого начальника внешней разведки за его смелость докладывать лично товарищу Сталину достоверную информацию о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Фитин практически один шёл против Берии, потому что нарком Меркулов и сменивший его министр госбезопасности Абакумов, как и сам Берия, стремились любой ценой угодить Сталину: они докладывали ему только то, что “хозяин” хотел услышать. И только поэтому они иногда поручали самому Фитину докладывать вождю агентурную информацию. Павел Михайлович был человек не робкого десятка, он не боялся поручиться за своих людей, всегда отстаивал своё мнение перед руководством и никогда не поступался своими принципами. Поэтому Берия и считал его строптивым.

Фитин знал об этом и переносил это, как подобает человеку своей эпохи: спокойно, мужественно и с большим достоинством. Любимая фраза его в те годы, по рассказу П. А. Судоплатова: “Время всё расставит на свои места. Пусть не скоро, но люди будут знать, на чьей стороне была правда”. Он продолжал проявлять поистине высочайшее гражданское мужество и верность присяге, докладывая высшему руководству страны ценнейшую разведывательную информацию. Конечно, он рисковал иногда жизнью, ибо обстановка в те годы была опасной: ему постоянно грозила расправа со стороны всеильного Берии. Но на физическое сведение счётов с генерал-лейтенантом разведки в годы войны, когда авторитет начальника разведки в глазах Сталина упрочился, Берия не решился. Он знал о том, что вождь часто прислушивался к мнению молодого Фитина и положительно оценивал его работу.

Однако после войны злопамятный и мстительный Берия всё-таки сполна рассчитался с не прогнувшимся перед ним руководителем Первого управления МГБ СССР: в конце июня 1946 года Фитин был освобождён от занимаемой должности. Полгода он находился в распоряжении управления кадров МГБ без какого-либо назначения. Руководители других подразделений министерства и оперативные сотрудники разведки были ошеломлены таким неожиданным решением по отношению к человеку, который столь блестяще зарекомендовал себя в годы военного лихолетья. Коллеги по работе отзывались о нём, как об основателем, духовно богатом, смелом, волевом и исключительно порядочном руководителе, который стремился всегда к честности и справедливости. Его неизменный заместитель, генерал-лейтенант П. А. Судоплатов считал, что Фитин мог бы ещё многое свершить в разведке и в своей жизни.

Действительно, творческая отвага и молодой запал намного опережали реальную оценку его способностей. Сотрудники разведки чувствовали всегда уверенность в успехе любой закордонной, даже самой серьёзной операции, если разрабатывал её Фитин со своими заместителями Г. Б. Овакимяном и П. А. Судоплатовым. Возможности для свершения благих и полезных дел для страны и для своей успешной карьеры у сорокалетнего генерала Фитин были большие, но конфликты с Берией не всегда позволяли их решать безболезненно. Случилось так, что после долгого выжидания в Управлении кадров из-за трусливости Берии перед Верховным Главнокомандующим генерал-лейтенанта Фитина, несмотря на его большие заслуги перед советским государством, направили с понижением в должности заместителем Уполномочен-

ного МГБ в Германию. Не проработал он там и четырёх месяцев, как Берия опять понизил его в должности и назначил заместителем начальника областного управления госбезопасности в Свердловске.

Но и на этом коварный Берия, будучи уже заместителем Председателя Совмина СССР, не успокоился: в 1951 году Фитина перевели в Алма-Ату на пост министра МГБ Казахстана. А ещё через два года, снова по личному распоряжению Берии, его уволили из органов госбезопасности без военной пенсии, так как он не имел к тому времени необходимой выслуги лет: она составляла у него лишь пятнадцать лет.

Вот так, не по своей воле, произошёл окончательный разрыв с органами госбезопасности талантливого организатора советской внешней разведки Павла Фитина, который внёс свой достойный вклад в обеспечение нашей победы над фашистской Германией. Из всех предыдущих одиннадцати начальников иностранного отдела ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ Фитин дольше других – семь с лишним лет – руководил внешней разведкой СССР.

К сожалению, не оправдались надежды его соратника, генерала Судоплатова на то, что Фитин может ещё многое свершить. Лишь после суда над Берией и его расстрела Фитину удалось устроиться на государственную службу. Концовка его праведной, честной жизни оказалась грустной: трудовую свою деятельность он закончил директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В своих дневниках Фитин позже напишет: “Вся моя жизнь – это небольшая дорога. На ней было немало колдобин, и потому мне приходилось тряско ехать по ней...”.

Трудные испытания в годы военного лихолетья и особенно в послевоенные годы подорвали здоровье генерал-лейтенанта разведки Павла Михайловича Фитина. 24 декабря 1971 года его не стало. В истории осталась светлая память о талантливом человеке, много сделавшем для своей страны.